

О происхождении двух названий растения *Epilobium angustifolium*

М. А. Бобрик

Чу — иван-чай
звонит свою думу.

Г. Дашевский. Дума иван-чая

Слово *иван-чай* как обозначение растения *Epilobium angustifolium* ‘эпилобий узколистый’ проникает в словари в середине XIX в. Как слово «живого великорусского языка» оно впервые вошло в словарь В. И. Даля¹, где говорится и о странном употреблении иван-чая: «Он идет на подмеску чаев, обще со спитым чаем, из гостиниц» [Даль 1863–1866, 2: 629; Даль / Бодуэн де Куртенэ 1903–1911, 2: 3].

Имеется в виду массовое производство поддельного китайского чая, основным сырьем для которого служила трава иван-чай. Выращивание эпилобия и производство фальшивого чая сосредоточено в Петербургской и других севернорусских губерниях; заметным центром производства являлось Копорье. Название изготавливаемой на основе эпилобия смеси варьирует: *копорский чай*, *копорка*; *курильский чай*; *иван-чай*.

Поддельный чай вошел в поговорку: «Копорское крошево и кисло и дешево (Из Копорья, Петерб. г., по слухам, идет Иван-чай, трава кипрей)» [Даль 1862: 345].

В начале XIX в. производство фальшивого китайского чая — иван-чая — было запрещено высочайшим повелением. В записке главнокомандующего города Санкт-Петербурга, представленной Комитету министров, говорится, в частности, следующее:

Я имел честь представлять 29 мая сего года комитету гг. министров, что хотя и сделано было распоряжение о пресечении обмана в подмеси к китайскому чаю травы копорским или Иван-чаем называемой, а тем более в продаже сего последнего за китайский чай, но вошла вновь жалоба от

¹ В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. (где, между прочим, есть цветок *иван-да-марья*, а также растение *иванов цвет*) *иван-чая* нет [СЦСРЯ 1847, 2: 99].

московского купечества, что делатели копорского чая начали обрабатывать и продавать таковой же травы зеленый, наподобие жулана, чай. <...>

Из собранных прежде сведений видно, что Иван-чай приготавливается из листьев растений двоякого рода, из коих первое называется кипрей яровник или хрепальник (*Epilobium angustifolium*) и растет в Санктпетербургской и в других северных губерниях, а второе сокольник савойский (*Hieracium Sabaudum*), растет везде в Европе по сухим местам и около Петербурга. Растения сии цветут в июле и августе.

На это император Александр I «высочайше повелеть соизволил» (11 июля 1816 г.):

1. Сбор самой травы, из которой приготавливается копорский или Иван-чай, во всех местах строжайше запретить, и 2. Ежели кто из покупателей в лавках, рядах или иным образом настоящего китайского чая найдет в оном примесь копорского или Иван-чая и подмесь сия <...> открыта и доказана будет, то о таковом продавце яко подложным образом торговлю производящем и следовательно общего доверия незаслуживающем сверх законного с него за то взыскания публиковать в газетах обеих столиц (Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О строжайшем запрещении подмеси в чай Копорской травы» от 11 июля 1816 г. // [ПСЗ 1830: 931; № 26348]).

Китайский чай высшего качества в России XIX — начала XX в. именовали *царским*. В Китае такой чай (первого сбора) называли царским потому, что его поставляли к императорскому двору.

Сказывают, что превосходный и наилучший чай во всем Китае родится в провинции Фугиянь. <...> Сей первый сбор [в марте] наилучший и приносит так в Китае называемый царский чай, ибо бережется он для императора и его фамилии [Кабинет Петра Великого 1800: 166].

На фоне приведенных сведений проясняется, как кажется, мотивировка слова *иван-чай*: подделка чая высшего сорта получает именование ‘чай для Ивана’, ‘чай для бедных’ (Иван — фольклорный антипод царя).

Косвенным подтверждением такой семантической реконструкции может служить ироническое именование эпилобия царским чаем в семье Набоковых. В языке писателя оно встречается в семейной переписке, в романах, в мемуарах, всякий раз — при воспоминании о родных местах, когда уместно домашнее слово, ср.:

Мамочка, милая, — вчера я проснулся среди ночи и спросил у кого-то, не знаю кого, — у ночи, у звезд, у Бога, неужели я никогда не вернусь, неужели все кончено, стерто, погибло?.. Мне приснились черные, глазчатые

гусеницы на лозах царского чая, потом те желто-красные деревянные стулья, с резными спинками в виде конских голов, — которые, помнишь, стояли под лестницей в нашем доме «step, step, no step», и я спотыкался, и ты смеялась... — мамочка, ведь мы должны вернуться, ведь не может же быть, что все это умерло, испепелилось, — ведь с ума сойти можно от мысли такой! Я хотел бы описать каждый кустик, каждый стебелек в нашем божественном вырском парке² — но не поймет этого никто... Как мы мало ценили рай наш, мамочка... (матери из Кембриджа в октябре 1920 г., цит. по [Бойд 2001: 211])³.

В «Подвиге» герою в Альпах чудятся сохраненные памятью места:

Упруго идя по тропе в черной еловой чаще, где, там и сям, сияла желтизной тонкая береза, он с восторгом предвкушал вот такую же прохваченную солнцем осеннюю глушь, с паутинами, растянутыми на лучах, с зарослями царского чая в сырых ложбинках, — и вдруг просвет, и дальше — простор, пустые осенние поля и на пригорке плотную белую церковку, пасущую несколько бревенчатых изб, готовых вот-вот разбрестись, и вокруг пригорка ясную излучину реки с кудрявыми отражениями. Он был почти удивлен, когда, сквозь черноту хвой, глянул альпийский склон [Набоков 1999–2000, 3: 221–222].

В «Даре» герой входит в граничащее с прошлым пространство Груневальда:

Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мной в лес. Смотри: сначала — сквозистые места, с островками чертополоха, крапивы или царского чая, среди которых попадаются отбросы [Там же, 4: 506].

Наконец, в «Других берегах»:

И вот начиналось: ровное гудение переходило от цветка к цветку, и мерцающим призраком повисал розово-оливковый сфинкс, как колибри, перед венчиком, который он с воздуха пытал длинным хоботком. Его красавица-гусеница, миниатюрная кобра с очковыми пятнами на передних сегментах, которые она умела забавно раздувать, водилась в августе в сырых местах, на высоких розовых цветах царского чая (эпилобия) [Набоков 2011: 116].

Вероятно, название *царский чай* входило в словарь семейного обихода чуткой к языку семьи Набоковых. У других авторов такое название не

² Имение Набоковых Выра лежало в Петербургской губернии, что, быть может, небезразлично: афера с чаем там была известна изблизи.

³ Об этом упоминании царского чая мне любезно сообщил А. А. Долинин.

встречается. Не обнаруживается оно и в качестве диалектного, «народного» наименования эпилобия. Прямых свидетельств в пользу своей реконструкции я, к сожалению, не вижу.

Литература

- Бойд 2001 — *Б. Бойд*. Владимир Набоков. Русские годы. Биография / Авторизованный пер. с англ. Г. Лапиной. М.; СПб., 2001.
- Даль 1862 — *В. Даль*. Пословицы русского народа. М., 1862.
- Даль 1863–1866 — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 1–4. М., 1863–1866.
- Даль / Бодуэн де Куртенэ 1903–1911 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / Ред. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Т. 1–4. СПб.; М., 1903–1911.
- Кабинет Петра Великого 1800 — Кабинет Петра Великого. Отд. 2. СПб., 1800.
- Набоков 1999–2000 — *В. В. Набоков*. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. СПб., 1999–2000.
- Набоков 2011 — *В. Набоков*. Другие берега. СПб., 2011.
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Т. 33. СПб., 1830.
- СЦСРЯ 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук. Т. 1–4. СПб., 1847.